

[MUSIC REVIEW : Hvorostovsky Makes Big Debut - Los Angeles Times \(latimes.com\)](https://www.latimes.com)

MUSIC REVIEW : Hvorostovsky Makes Big Debut

BY MARTIN BERNHEIMER OCT. 30, 1990

LA JOLLA — Will success spoil Dmitri Hvorostovsky? One worries.

Southern California first encountered the Siberian baritone in April, 1989. He spelled his name *Khvorostovsky* then. In company with four obscure Soviet colleagues plus Irina Arkhipova, a *materfamilias* from the Bolshoi, he gave a stunning performance at a virtually empty Wilshire Ebell Theatre.

One observer--this one--predicted that the unheralded visitor would soon have the world at his feet. The prediction has come true very quickly. Perhaps too quickly.

This 28-year-old novice has collected gold medals at numerous international contests. Although most of his stage experience has taken place in distant Krasnoyarsk, major opera companies everywhere are vying for his services. He has become a recording star. He sells out huge concert halls in New York, Washington and London.

Monday night, sponsored by the San Diego Opera, he sold out a tiny concert hall in La Jolla: Sherwood Auditorium at the Museum of Contemporary Art.

It seats 500. Hvorostovsky sang as if it seated 5,000. That was just the first of several miscalculations.

His program, apparently a warm-up for a Carnegie Hall date on Nov. 4, concentrated on Italian art songs and arias. Apart from one glorious encore, Hvorostovsky turned his back on the Russian music he sings and knows best. He disdained the intimate revelations of the romantic lied. He had decided--or been persuaded--to court the image of a low-voiced Pavarotti.

For nearly two hours, he blasted away at the bel-canto repertory, with an occasional detour in the direction of verismo. He blasted magnificently, much of the time. Once in a while, for a fleeting moment, he even proved that he can sing softly. Essentially, however, he used his prodigious gifts to flex vocal muscles.

They are undeniably mighty muscles. Still, it was a waste.

Hvorostovsky's dark-hued baritone--somewhat reminiscent of the young Ettore Bastianini--is generous in size and warm in timbre. He may occasionally strain for the highest climaxes or growl out the lowest phrases, but he can sing with rare technical finesse. His breath control is staggering. So is his command of legato.

He sounds like a brooding matinee idol and looks like one. Tall, slender and deceptively boyish, he knows the secret of demanding attention by standing still.

In La Jolla, unfortunately, he refused to make the most of his phenomenal resources. He used his voice, not his head. He performed as if the production of big, beautiful sounds were a valid end in itself. He used the intimate ambience as a showcase for extrovert gestures that bordered on vulgarity.

He devoted the first half of his program to charming baroque *canzone* of Caldara, Giordani, Pergolesi, Stradella and Carissimi. He sang them stodgily, with heavy, monotonous accents. He sang them as if they were long-lost masterpieces by Rachmaninoff.

He showed no understanding of such stylistic niceties as dynamic contrast and embellishment--a rudimentary, sparsely applied trill notwithstanding. Whatever the text, he sang with generalized fervor. He mistook the tender sighs of "Caro mio ben" for thumping slow-motion tragedy.

After intermission, Hvorostovsky offered a catalogue of strenuous arias. He piled climax upon audience-pleasing climax. He roared mellifluous excerpts from "La Favorita," "Don Pasquale," "I Puritani," "Luisa Miller" and, best of all, "Don Carlo."

In response to the *de rigueur* standing ovation, he enlisted his ever-intense accompanist, Mikhail Arkadiev, in staging a hokey encore. First, Arkadiev appeared alone and began to pound out what threatened to be a long and convoluted keyboard solo. The teaser was a transcription of the "Pagliacci" prelude--the whole infernal thing. Then--surprise--Hvorostovsky popped out of the wings just in the nick of time to ham up the beloved Prologue aria.

He sang with splendid ardor, despite some signs of tiring. Still, this was a curiously provincial indulgence for a presumably sophisticated artist.

As an antidote to the misplaced gimmickry, he returned to sing a little Russian folk song, unaccompanied. Suddenly, his voice throbbed with the pain of muted passion.

Hvorostovsky reinforced the poignant rhetoric with resonant simplicity. He floated ravishing pianissimo tones. He capped the the valedictory cadence with an ethereal head tone that slowly vanished in air.

It was a magical ending. It could have been a magical beginning.

Los Angeles Times

30 октября 1990 Мартин Бернгеймер

Музыкальное обозрение: Хворостовский дебютирует с размахом

Ла-Хойя - Испортит ли слава Дмитрия Хворостовского? Это волнует.

Южная Калифорния впервые встретилась с сибирским баритоном в апреле 1989 года. Тогда он произнес по буквам свою фамилию Хворостовский. В компании четырех малоизвестных советских коллег и Ирины Архиповой, наставницы из Большого театра, он дал потрясающий концерт в практически пустом театре Уилшир Эбелл.

Один зритель – я - предсказал, что скоро весь мир будет у ног этого случайного гостя. Предсказание сбылось очень быстро. Возможно, слишком быстро.

Этот 28-летний новичок собрал золотые медали на многочисленных международных конкурсах. Хотя большая часть его сценического опыта прошла в далеком Красноярске, крупнейшие оперные театры мира соперничают за него. Он стал звездой звукозаписи. Он собирает огромные концертные залы в Нью-Йорке, Вашингтоне и Лондоне.

В понедельник вечером при поддержке оперного театра Сан-Диего он дал концерт в маленьком зале Шервуда в Музее Современного Искусства Ла-Хойи.

Он вмещает 500 человек. Хворостовский пел так, словно в нём сидело 5000 человек. Это был лишь первый из нескольких просчетов.

Его программа, вероятно, разминка к предстоящему 4 ноября концерту в Карнеги-Холл, включала итальянские песни и арии. Кроме одного блистательного биса, Хворостовский исключил русскую музыку, которую он поет и знает лучше всех. Он пренебрёг доверительными откровениями романтизма. Он решил – или его убедили – быть подобием Паваротти с более низким голосом.

Почти два часа он мчался по репертуару бельканто, иногда отклоняясь в сторону веризма. Большую часть времени он невероятно ошеломлял. Иногда, на какое-то мимолетное мгновение, он даже показывал, что умеет петь мягко. Фактически он использовал свои невероятные способности, чтобы размять голосовые мышцы.

Это, бесспорно, мощнейшие мускулы. И все-таки это была пустая трата времени.

Темный баритон Хворостовского, чем-то напоминающий молодого Этторе Бастианини, необъятный по размеру и теплоте тембра. Порой он может напрягаться для достижения самых верхов или прорычать самые низкие фразы, но он может петь и с редким техническим изяществом. Его контроль дыхания ошеломляет. Как и его владение легато.

Он поёт, как погружённый в раздумья бог и выглядит так же. Высокий, стройный и обманчиво мальчишеский, он знает секрет привлечения внимания, стоя неподвижно.

В Ла-Хойе, к сожалению, он отказался максимально использовать свои феноменальные возможности. Он использовал свой голос, а не голову. Он выступал так, будто производство больших, красивых звуков было самоцелью. Он использовал уютную обстановку для демонстрации размашистых жестов, граничащих с вульгарностью.

Первую половину своей программы он посвятил восхитительной барочной канцоне Кальдары, Джордани, Перголези, Страделлы и Кариссими. Он пел их неуклюже, с тяжелым, монотонным акцентом. Он пел их так, словно это были давно забытые шедевры Рахманинова.

Он не показывал никакого понимания таких стилистических тонкостей, как динамический контраст и украшения – иногда использовал простую трель. Любой текст он пел с одинаковым пылом. Он перепутал нежные вздохи "Каро Мио бен" с грохотом медленно наступающей трагедии.

После антракта Хворостовский предложил список энергичных арий. Он нагромождал прекрасные кульминационные моменты на зрителей. Он проревел сладкозвучные отрывки из "Фаворитки", "Дона Паскуале", "Пуритан", "Луизы Миллер" и, самое главное, "Дона Карло".

В ответ на обязательные бурные овации он пригласил своего постоянно напряженного аккомпаниатора Михаила Аркадьева на липовый бис. Во-первых, Аркадьев появился один и начал выбивать то, что грозило стать длинным и запутанным клавишным соло. Эта горюшечка оказалась фортепианным переложением вступления к "Паяцам" - вся эта чертовщина. И тут – сюрприз - Хворостовский выскочил из-за кулис как раз вовремя, чтобы подхватить любимую арию Пролога.

Он пел с великолепной страстью, несмотря на явные признаки усталости. И все же это было необычайно провинциальное исполнение для без сомнения утонченного артиста.

В качестве противоядия от неуместного трюка он вернулся, чтобы спеть короткую русскую народную песню без сопровождения. Внезапно в его голосе зазвучала боль приглушенной страсти.

Хворостовский подкрепил свою пронзительную риторику звучной простотой. Его голос плыл упоительными тонами пианиссимо. Он увенчал прощальную каденцию неземным головным тоном, который медленно растворился в воздухе.

Это был волшебный конец. Это могло быть волшебное начало.

